

Роберт Манн

«ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Новые открытия

Языки славянской культуры
Москва 2009

ББК 63.4
М 23

Мани Р.

М 23 «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. —
М.: Языки славянской культуры, 2009. — 96 с.

ISBN 978-5-9551-0323-5

В этой книге американский исследователь выдвигает новую теорию о возникновении «Слова о полку Игореве». Он указывает на ранее незамеченные параллели к тексту «Слова» в народных свадебных песнях и в самом свадебном обряде. Новые параллели, найденные им в былинном эпосе и древнерусских текстах, приводят его к новой реконструкции ранней истории былины о крещении Руси. Автор оспаривает широко принятый взгляд на «Слово» как на гениальную письменную поэму Киевского периода и пытается показать, что повесть о поражении Игоревы войска впервые возникла как эпическая песнь и долгое время передавалась изустно, часто меняясь по форме и содержанию. На каком-то этапе — не раньше 1215 г., по мнению Манна, — слова песни были записаны. Летописные сводки о битве 1185 г. отражают не письменный текст «Слова», а различные варианты эпической песни о походе Игоря. Р. Манн находит ключ к некоторым из загадочных терминов «Слова» — таким как *хинова*, *Каяла* — в древнерусском свадебном обряде, послужившем важным референтом в метафорической канве «Слова». Он указывает на необыкновенные отголоски песни о полку Игореве в уникальном тексте «Сказания о Мамаевом побоище», изданном в 1835 г., а впоследствии проигнорированном учеными. Текст 1835 г., по мнению Манна, — из ранней редакции, послужившей прототипом для всех известных редакций «Сказания».

ББК 63.4

*В оформлении обложки использована
гравюра В. А. Фаворского «Вторая битва с половцами» к «Слову о полку Игореве»*

ISBN 978-5-9551-0323-5

© Р. Манн, 2009

© Языки славянской культуры, 2009

Пропавший лист в начале «Слова о полку Игореве»

Первый же глагол в «Слове о полку Игореве» — глагол прошедшего времени *бѣшетъ*: «Не лѣпо ли ны *бѣшетъ*, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславича!» Первые издатели «Слова» решили, что в данном случае *бѣшетъ* — уникальная форма сослагательного наклонения или же имперфект, выполняющий функцию сослагательного наклонения. Согласно этой интерпретации «Не лѣпо ли ны *бѣшетъ*» значит: *Не лѣпо ли нам было бы...*¹ Такой вывод, на первый взгляд, кажется вполне оправданным. Ведь это же *начало* повести! Повествователь *начинает* с этих слов, поэтому *бѣшетъ* не может быть прошедшего времени. Так считали все исследователи «Слова» в течение двух веков.

Однако есть определенные основания считать начало нашего текста «Слова» неполным. Других примеров употребления *бѣшетъ* в функции сослагательного наклонения в древнерусских памятниках не обнаружено². Обычные формы сослагательного

¹ О. В. Творогов указал на исключительность глагола *бѣшетъ* в сослагательной функции. См. его комментарий: Слово о полку Игореве (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1967. С. 466.

² Имперфект *подобаше* выполняет функцию сослагательного наклонения (*подобаше* = *подобало бы*), но этот исключительный случай объясняется специфич-

наклонения последовательно употребляются через все повествование «Слова». Решающее значение имеет «Задонщина», произведение в какой-то мере подражавшее «Слову». Тот отрывок «Задонщины», который соответствует первым строкам «Слова», находится не в самом начале, а после краткого вступления. Более того, в этом вступлении повествователь упоминает «киевские горы» и Днепр — детали, вряд ли уместные в повести о событиях 1380 г., но тесно связанные с походом Игоря Святославича:

Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Рускои. И оттоля на восточную страну жребии Симова, с(ы)на Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя (Список У, с. 535)³:

Нет сомнения в том, что южнорусские, киевские детали в начале вводной части «Задонщины» восходят к киевской эпической традиции. На основе лингвистических данных и киевских деталей во вступлении «Задонщины», предшествующем началу уцелевшего списка «Слова», можно предположить, что начало «Слова» пропало и наш список является неполным. Не хватает вступления, в какой-то мере соответствовавшего началу «Задонщины». Возможно, что на каком-то этапе сложной истории переписывания и хранения текста оторвался и затерялся первый лист той рукописи, которая впоследствии попала в руки Мусину-Пушкину.

ной историей этой глагольной формы в древнерусских переводах греческих текстов и частым цитированием Священного Писания вне временного контекста греческого оригинала (прошедшее время греческих текстов теряется из виду из-за неполного цитирования библейских слов, остается имперфект «подобаше» без наглядных показателей прошедшего времени. В результате «подобаше» воспринимается как синоним к «подобало бы»). Данное восприятие глагола *подобаше* укоренилось уже в Киевском периоде и значительно усилилось к XV в.

³ Все тексты «Задонщины» цитируются по изданию Р. П. Дмитриевой (Тексты «Задонщины»): «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 533—556. Цитируемые тексты определяются по системе сокращений, использованной Дмитриевой.

Эпическая песнь или сочинение писателя?

Уже давно в науке укоренилось мнение, что «Слово» является поэтическим сочинением, написанным талантливым и эрудированным автором. В советское время, несмотря на то что практически никто не выступал против такой теории, эту позицию упорно отстаивали. В разное время одинокие отступники — И. И. Срезневский, А. И. Никифоров, В. Ф. Ржигя — высказывались за устное происхождение «Слова» и «Задонщины», но их аргументация обсуждалась в науке мало.

Может быть, история изучения «Слова» приняла бы совсем другой оборот, если бы исследователи сумели порвать с традицией и посмотреть свежим взглядом на вопрос о смысле родительного падежа в словах *«начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ»*. Принято рассматривать *«трудныхъ повѣстий»* как прямое дополнение глагола *«начяти»*. Разумеется, если «Слово» — произведение гениального писателя, тогда, казалось бы, «трудные повести о полку Игоре» не могли уже существовать до того, как автор писал первые строки «Слова». Ведь это автор сочиняет «трудные повести о полку Игоре», они вытекают из-под его пера! Таков ход мыслей, чаще всего подсознательный, лежавший в основе традиционного толкования этих слов. Взгляд на «Слово» как на произведение письменной культуры сковывал восприятие исследователей.

Традиционная интерпретация мало затрудняется вопросом о множественном числе (*трудныхъ повѣстий* вместо *трудной повѣсти*). Эта шероховатость объяснялась по-разному и всегда плохо. К примеру: «Слово» состоит из многих частей, каждую из которых можно рассмотреть как своего рода повесть... Это — невзирая на слова самого повествователя: *«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію»*. Повествователь сам использует единственное число, называя свое произведение «повестью». Короче говоря, наука нас ввела в маленький, темненький тупик.

Выход из тупика можно найти только за рамками традиционного подхода к «Слову» как к произведению письменности.

Если «Слово» — эпическая песнь, устное произведение, которое передавалось изустно в среде песнотворцев и по какой-то загадочной причине вдруг было записано, тогда фраза «старыми словами трудных повестей» становится ясной. Повествователь обращается к слушателям с риторичным вопросом о том, как он уже начал свою песнь — старыми словами эпических песней о походе Игоря. Песни о полку Игореве уже давно существовали, поэтому слова «старые». В устном эпосе текст постоянно варьируется, меняется с каждым исполнением, с каждым новым певцом, преобразовывается с течением времени. Песен об Игоре было много, поэтому мы находим фразу «трудныхъ повѣстий» во множественном числе. Родительный падеж — самый обыкновенный: «старые слова» относятся к «трудным повестям». С самого начала «Слова» (дошедшего до нас текста) повествователь указывает на устную традицию, которая породила его песнь о полку Игореве. Когда он называет свое творчество «песнью», он употребляет этот термин в самом прямом смысле. Это не какая-нибудь двусмысленная ссылка на подражание эпическим песням. «Слово» — текст эпической песни, записанной через несколько десятилетий после неудачного похода 1185 г. Вариантов этой песни было много, и к моменту записи их слова уже воспринимались как «старые».

Такой же вывод подсказывается историческими данными и множеством стилистических признаков, типичных для устного эпоса и нетипичных для письменного творчества. Все это мы обсудим ниже. Как мы увидим, некоторые детали «Слова» указывают на период после 1215 г. как наиболее вероятное время, когда наш текст «Слова» был записан.

На фоне легенд и эпических песней составлялись летописные сообщения о походе Игоря. Наиболее известные — в «Ипатьевской летописи» и в «Лаврентьевской летописи». Татищев использовал еще одну летопись, впоследствии пропавшую, в ходе его работы над «Историей Российского Государства». Все эти летописные рассказы различаются между собой в деталях и особенно в выборе событий, которые стоят на первом плане. Надо думать,

что они основаны, в частности, на различных вариантах эпической песни о походе Игоря.

Сразу после своего риторичного вопроса, хорошо ли ему начать свою песнь старыми словами эпических песней, повествователь еще раз ссылается на устный эпос: «Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню». Судя по характеристике Бояня, которую мы находим в «Слове», Боян жил за сто лет до создания песней о походе 1185 г. Повествователь отличает эпические песни — *былины* — своей эпохи от творчества древнего Бояня и заявляет, что его песнь должна следовать современным ему песням («былинам»). Исследователи оспаривают такое толкование слова «былина» и утверждают, что оно означает не песнь или повесть, а реальное событие или факт. «Задонщина» дает основание для такого возражения: «Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинамъ» (список У, с. 535). Тем не менее повествователь «Задонщины» вскоре характеризует свое собственное творчество как прославление московских князей пением и игрой на гуслях: «Аз же помяну резанца Софонія и восхвалю пѣснями гусленными словесы сего великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича...» (список У, с. 536). Поэтому «Задонщина» дает основание и для интерпретации «былины» в значении «эпической песни». Какое бы значение ни имело слово «былина» в Киевском периоде, ясно, что повествователь «Слова» исполняет эпическую песнь, а певец «Задонщины» следует по его стопам.

Поход Игоря и русская народная свадьба

Комментаторы «Слова» всегда обращают внимание на метафорическое изображение битвы как свадебного пира:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилося.

Кровь и оружие ассоциируются с вином, враги со сватами, страшная резня — с пированием. В контексте свадьбы разлука Игоря с братом («Ту ся брата разлучиста») вызывает ассоциации с одним из ключевых моментов свадебного обряда — расставание невесты с семьей при переезде в дом жениха. «Пир» заканчивается, когда русское войско уже напоило «сватов» кровавым вином (т. е. угостило врага сколько смогло своими копьями и мечами) и «ложится» на поле битвы. Слова подобраны с оглядкой на последовательность действий в древнем свадебном обряде, в котором укладывание новобрачной пары следует за пиршеством в день венчания.

Специалисты обращают внимание на битву-пир, упуская из виду огромный изобразительный фон, основанный на ритуалах и песенных мотивах русской народной свадьбы. Чтобы представить себе полный охват свадебной образности в «Слове», нужно сначала ознакомиться с народной свадьбой, с ее древними обрядами, с ее лирикой и специфичной терминологией. Вспомним сначала ритуал величания и «хаяния». Когда новобрачные, гости и все участники свадьбы собираются в доме жениха после венчания, девицы начинают петь величальные песни — всем по очереди. Этот обряд продолжается долго. Обычно девицы действуют по старшинству, величая сначала родителей новобрачных и сваху. Тот, кого они хвалят и прославляют в своей песне, должен их наградить, опустив монеты в чашу вина, которую предлагают поющие девицы. Потом он выпивает вино и отдает стакан с монетами девицам. Если они довольны своей получкой, то переходят к следующему гостю. Если недовольны, они могут спеть издевательскую, корильную песню. Поругать кого-либо таким способом называлось по-разному в разных областях страны. В районе к северу от Вологды использовали термин «хинить»:

Похините, голубушки,
Цюжу дальнюю сторону,
Сторону-то немилую,

Деревню некрасивую,
Распрокляту Русаниху⁴.

Хинят люди-те добрые
Да чужово чуженина,
Чужа сына хресьенина:
Он батюшка нехорошово,
Матушки непросужиё,
Всево роду неумново⁵.

Более распространенные названия в XIX и XX веках были «корить» и «хаять». По законам древнего ритуала только девицы могут участвовать в пении величальных и корильных песен.

Этот древнейший обряд величания и хаяния стоит за картиной христианских народов, которые поют славу победоносному Святославу и «кают» князя Игоря за то, что он опустил русское золото на дно Каялы. Готские девицы позванивают русским золотом и поют славу тем, кто побеждает русских. Указание именно на «девиц» дает важный ключ к свадебному обряду как к источнику данного образа. Изображение поющих христианских народов перекликается поразительным образом с мотивом готских девиц:

Ту Нѣмци и Венедици,
ту Греци и Морава
поють славу Святѣславлю,
кають Князя Игоря,

⁴ Мехнецов А. М., Балашов Д. М., Калмыково Н. И., Марченко Ю. И. Кокшеньга (рукописные материалы Лаборатории народного творчества Ленинградской консерватории). Т. 1. С. 213.

⁵ Там же. Т. 2. С. 93. См.: Обрядовая поэзия Пинежья: Русские традиции фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980. С. 100, 276. См. также: Mann Robert. Lances Sing (с. 204, прим. 36).

иже погрузи жиръ во днѣ Каялы.
Рѣкы Половецкія Рускаго злата насыпаша.

...и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство подасть Хинови.
Уже снесся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже врѣжеса дивъ на землю.
Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша
на брезѣ синему морю,
звоня Рускимъ златомъ,
поютъ время Бусово,
лелѣютъ мечь Шароканю.
А мы уже дружина жадни веселія.

Тут же перед отрывком с готскими девицами упоминается переход с хвалы на хулу. Такое же чередование проявляется в величании и хаянии русских князей немцами и венецианцами. Также как прославление Святослава переходит в хаяние Игоря, готские девицы поют сначала хвалу победителям Буса, а потом переходят к отрицательной теме. Строки «поютъ время Бусово, лелѣютъ мечь Шароканю» — зеркальное отражение соответствующих строк в мотиве немцев и венецианцев: «поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря». Следующие за ними строки — «А мы уже дружина жадни веселія» — существенно перекликаются с параллельными строками другого мотива: «иже погрузи жиръ во днѣ Каялы». Звуковые параллели между этими отрывками столь поразительны, что нужно говорить об общем прототипе для обоих мотивов. Два мотива созданы по одному общему песенному трафарету. Оба мотива упоминают о русском золоте. В первом мотиве золото опущено в Каялу и в половецкие реки. В другом варианте готские девицы позванивают русским золотом, когда поют на берегу моря. Реки и море, также как и Дон, из которого Игорь надеется пить, ассоциируются со свадебным вином. Русское войско *насытает* половецкие реки золотом, также как величаемые гости на свадьбе насыпают в чашу монеты.